

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

ТОМ ВОСЬМОЙ

**ПРОЗА
1797—1806 годов**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ТОМ ВОСЬМОЙ

ПРОЗА
1797—1806 годов

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Москва 2011

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Ж 86

Томский государственный университет

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 11-04-16034

Жуковский В. А.

Ж 86 Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Э. М. Жилиякова, [Ф. З. Канунова] О. Б. Лебедева, И. А. Поплавская, Н. Б. Реморова, А. С. Янушкевич (гл. редактор). — Т. 8. Проза 1797—1806 гг. / Ред. И. А. Айзикова. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 536 с.

ISBN 978-5-9551-0501-7

Полное собрание сочинений В. А. Жуковского впервые в эдиционной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта и прижизненных публикаций.

В 8-м томе собрана ранняя проза Жуковского (1797—1806 гг.), включающая оригинальные ученические упражнения писателя и его первые прозаические переводы, в том числе и незавершенные, ранее никогда не публиковавшиеся.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

На фронтиспise:
В. А. Жуковский. Литография неизвестного художника
с гравюры И. Ческого, выполненной по оригиналу К. Зенфа.
Середина XIX века (?)

ISBN 978-5-9551-0501-7

9 785955 105017 >

© И. А. Айзикова. Редакция тома 8, 2011
© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2011

ОТ РЕДАКЦИИ

Проза В. А. Жуковского мало известна не только широкому кругу читателей, она до последнего времени практически не привлекала и внимания исследователей. Между тем ряд прозаических произведений был введен Жуковским уже во второе издание его сочинений (1818 г.), в котором они составили отдельный том (т. 4). Кроме того, проза публиковалась отдельным томом в 1826 г., вышедшем в дополнение к С 3, а также в составе С 4 (1835—1844 гг.) и С 5 (1849 г.). При жизни писателя выдержали два издания его переводы романов и повестей Коцебу, Флориана, Флорианова перевода «Дон Кихота» Сервантеса, а также «Переводы в прозе» (1816—1817 гг. и 1829 г.), представляющие избранную прозу Жуковского, публиковавшуюся в 1807—1811 гг. в «Вестнике Европы».

Имеется несколько посмертных изданий прозы первого русского романтика, в том числе и в составе Полного собрания сочинений под редакцией А. С. Архангельского (т. 9—11), в котором прозаическое наследие Жуковского, особенно 1830—1840-х гг., было представлено более широко, чем когда бы то ни было. Однако многие тексты публиковались в ПСС произвольно сформированными в рубрики, с купюрами и почти без комментариев. В послереволюционных Собраниях сочинений Жуковского (СС 1 и СС 2) раздел «Проза» традиционно ограничивался повестью «Марьяна роща» и несколькими ранними критическими статьями. Одним из последних опытов публикации прозы Жуковского являются издания «Розы Мальзерба». Европейская новелла в переводах В. А. Жуковского» и «Василий Жуковский. Проза поэта»¹.

Однако ни о каком полном представлении о прозе Жуковского, не говоря уже о ее текстологии и научном комментарии, говорить до сего дня не приходится, поскольку до сих пор многое остается неопубликованным, хранясь в писательских архивах, большая часть прозы Жуковского разбросана по периодическим изданиям 1800—1840-х гг., оставаясь плохо датированной, несистематизированной, не введенной в контекст творчества и самого писателя, и всей русской литературы XIX в.

¹ «Розы Мальзерба». Европейская новелла в переводах В. А. Жуковского / Сост., подгот. текста и коммент. Е. Е. Дмитриевой, С. В. Сапожкова, вступит. ст. Е. Е. Дмитриевой. М.; Париж; Псков, 1995; Василий Жуковский. Проза поэта / Сост., предисл. А. С. Немзера. М., 2001.

Состав прозаических текстов, включаемых Жуковским в свои собрания сочинений, менялся весьма примечательно. Озаглавленный «Опыты в прозе», т. 4 С 2 включил в себя повести «Марьяна роща», «Три сестры» и статьи «О критике», «О басне», «О сатире», «Писатель в обществе» и «Кто истинно добрый и счастливый человек». Корпус этих сочинений, с добавлением «Путешествия по Саксонской Швейцарии», «Отрывков из письма о Швейцарии 1821 г.» и «Рафаэлевой “Мадонны”», составил и отдельный том прозы, который был издан Жуковским в 1826 г. уже под заглавием «Сочинения в прозе». В С 4 содержание тома пополнилось «Отрывками из письма о Швейцарии 1833 г.», «Воспоминаниями о торжестве 1834 г.», «Чертами истории государства Российского», статьями «Взгляд на землю с неба», «Последние минуты Пушкина» и другими поздними произведениями. Том прозы (7-й) в последнем прижизненном издании повторил прозаический том предыдущего собрания сочинений. В посмертные тома 5-го издания — XI и XIII — вошла поздняя (1830—1840-х гг.) проза Жуковского — публицистика, религиозно-философские и эстетические статьи. Архив писателя, а также его переписка с П. А. Плетневым дают достоверное представление об авторской концепции XI-го тома, который сам писатель называл томом «святой прозы» и «целым томом».

Таким образом, очевидно, с одной стороны, очень строгое отношение Жуковского к включению в свои собрания сочинений прозаических произведений. Их основной корпус переходил из одного издания в другое, как бы составляя фундамент. С другой стороны, весьма характерно, что на протяжении всей жизни Жуковский последовательно «надстраивает» свои прозаические тома, дополняя их новыми произведениями.

История прижизненных публикаций прозы Жуковского в составе собраний сочинений и переводов писателя или отдельными изданиями, безусловно, должна быть одним из основных ориентиров при осмыслении проблемы отбора материала для настоящего ПССиП. Однако следует учитывать тот факт, что многие сочинения и переводы в прозе Жуковский представлял на суд читателей первоначально на страницах периодических изданий и при этом далеко не всё, печатавшееся в периодике, он включал в свои собрания сочинений.

В частности, при жизни Жуковского не переиздавалась его ранняя оригинальная проза (1797—1803 гг.). П. А. Ефремов, редактор С 7, впервые опубликовал ее в составе собрания сочинений писателя, перепечатав из периодических изданий («Приятное и полезное препровождение времени», «Иппокрена», «Утренняя заря» и др.). Некоторые произведения из «Вестника Европы», «Собирателя», «Муравейника» также

были опубликованы единственный раз в этих изданиях и т. д. Причины здесь могли быть самые разные. Вот, напр., объяснение отсутствия в собрании сочинений Жуковского «Бородинской годовщины», отнесенной П. А. Плетневым «к числу лучших произведений ⟨...⟩ таланта» писателя: «Странное дело сделалось; подивитесь моей памяти, — писал Жуковский Плетневу в октябре 1850 года. — Я на сих днях купил русскую грамматику, напечатанную в Лейпциге на немецком языке: половину этой книги составляет хрестоматия, выбор отрывков в стихах и прозе. Из моих творений немец взял только отрывок “Певца в стане русских воинов” (который теперь мне самому весьма мало нравится); а в прозе напечатал мое “Письмо о Бородинском празднике”, о котором я вовсе забыл и сам теперь не помню, к кому оно было написано и где напечатано. ⟨...⟩ Если бы я знал об его существовании, то внес бы его в том “Прозы”, ибо описание очень живо и тепло ⟨...⟩ Знаете ли вы об этом письме? Если знаете, скажите, где оно гнездится?»².

Уже самый беглый взгляд на материал показывает, что категория «проза», не являясь, конечно, для Жуковского безграничной, обозначающей любой авторский текст, основанный на прозаическом принципе его организации, тем не менее понимается поэтом-романтиком довольно широко. Осмысляя широту возможностей прозы в изображении мира и человека, Жуковский пользуется этим термином для определения не только собственно художественной, сюжетной прозы, но и прозы философской, публицистической, литературно-критической. При публикации в журналах оба типа прозы Жуковского входили хотя и в разных рубриках («Повести» и «Смесь»), но все же в общие разделы «Изыщная словесность» или «Проза». В составе же собрания сочинений писателя повести, публицистика, эстетика, критика, документально-философские и т. д. произведения попадали, без какой бы то ни было рубрикации, в один том, который озаглавливался «Сочинения в прозе».

Решая проблему отбора материала для настоящего ПССиП, мы сталкиваемся и с вопросом о месте переводов Жуковского в его прозаическом наследии. Опору и здесь помогает обрести сам писатель, давно выявивший одну из важнейших особенностей своего творчества. В письме к Н. В. Гоголю от 6/18 февраля 1847 г. он писал: «Я часто замечал, что у меня наиболее светлых мыслей тогда, как их надобно импровизировать в выражение или в дополнение чужих мыслей. Мой ум, как огниво, которым надобно ударить об камень, чтобы из него выскочила искра. Это вообще характер моего авторского творчества; у меня почти все или чужое, или по поводу чужого — и все, однако, мое» (СС 1. Т. 4. С. 544).

² См: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 409—410.

Такая установка Жуковского позволяет считать переводы, в том числе и прозаические, органичной частью его творческого наследия.

Корпус прозы Жуковского, собранной в полном объеме, оказывается достаточно обширным и вместе с тем внутренне очень подвижным, неканоническим, определяющимся специфическим пониманием поэтом-романтиком категории «проза», эволюцией его творчества, общей логикой развития русской прозы первой трети XIX в. В этот корпус, органично соединяющий переводы и собственные сочинения, художественную, сюжетную прозу и прозу философскую, публицистическую, литературно-критическую, представляется необходимым ввести и незавершенные и неопубликованные при жизни писателя (по разным причинам) прозаические произведения, поскольку это позволит проникнуть в лабораторию его творческих поисков. В связи с этим во все прозаические тома ПССиП Жуковского войдет раздел «Из черновых и незавершенных рукописей».

Предлагаемое издание прозы Жуковского можно считать первой попыткой представить ее, по возможности, во всей полноте, в системе, в процессе становления, от первых оригинальных и переводных опытов периода обучения Жуковского в Московском благородном пансионе до последних произведений 1851—1852 гг. В ПССиП проза Жуковского займет следующие тома:

8. Ранняя проза (1797—1806 гг.).

9. «Дон Кишот».

10. Проза периода «Вестника Европы» (1807—1811 гг.).

11. Проза и публицистика 1810—1840-х гг.

Внутри томов также соблюдается хронологический принцип расположения текстов.

Сегодня вопрос о полном издании прозы Жуковского не только назрел, но и имеет твердую почву для своего решения, хотя в истории изучения творчества Жуковского, какие бы времена оно ни переживало, проза писателя всегда оказывалась на заднем плане. Современники Жуковского, изумленные прежде всего открытым им для русской литературы миром поэзии, оставили о его прозе лишь отдельные, весьма немногочисленные, однако положительные замечания. Так, А. А. Бестужев-Марлинский оценил прозаические сочинения Жуковского как «примерные»³, П. А. Плетнев как «драгоценные образцы повествований»⁴, «образцом современной русской прозы» назвал «Рафаэлеву „Мадонну“» Н. Полевой (МТ. 1832. Ч. 47. № 19. С. 375) и т. д. Специ-

³ *Бестужев-Марлинский А. А.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1981. С. 384.

⁴ *Плетнев П. А.* О жизни и сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1853. С. 53.

ально прозе Жуковского при его жизни была посвящена только одна статья, написанная П. А. Вяземским — «Сочинения в прозе В. А. Жуковского» (*Вяземский*. Т. 1. С. 260—269). Poleмика велась вокруг баллад и идиллий Жуковского, вокруг его стихотворных переводов, прозу писателя словно не замечали. В этом отразилось явное непонимание современной критикой значения прозы для развития отечественной литературы и очевидное новаторство Жуковского, изначально связывавшего «образованность» русской словесности с уровнем развития прозы.

Вместе с тем споры вокруг поэзии Жуковского, статьи таких его современников, как О. Сомов и В. К. Кюхельбекер, Н. Полевой и особенно В. Г. Белинский, посвященные его поэзии, точнее сказать, ее нравственной природе, имеют большое методологическое значение для изучения Жуковского-прозаика. Положения критиков о том, что «Жуковский и Пушкин пленяют нас не одними словами новыми, но богатством мыслей»⁵ о том, что Жуковский «освободил нас (...) от управления (литературы. — *И. А.*) по законам Лагарпова “Лицея” и Баттева “Курса”»⁶, о поэзии Жуковского как «целом всеобъемлющем мире души человеческой» (МТ. 1832. Ч. 47. № 20. С. 536 (из рецензии Н. Полевого на «Баллады и повести» В. А. Жуковского, изданные в 1831 г.), о Жуковском как о «литературном Коломбе Руси, открывшем ей Америку романтизма в поэзии», как о «целом периоде нравственного развития нашего общества», о Жуковском-воспитателе, развивавшем в своих читателях «все благородные семена высшей жизни, все святое и заветное бытия», наконец, мысль Белинского о «живой исторической связи» русского литературного процесса и о том, что «без Жуковского Пушкин был бы невозможен и не был бы понят» (*Белинский*. Т. 6. С. 460; Т. 7. С. 241; Т. 3. С. 505, 507), чрезвычайно важны для определения значения не только поэзии, но и прозы писателя. Не меньшую роль в понимании прозы Жуковского, ее эволюции играют статьи конца 1840-х гг., посвященные переводу «Одиссеи»⁷, в которых очень остро была поставлена проблема национального эпоса и роли эпического начала в творческом развитии первого русского романтика.

Первая попытка систематизации прозаического наследия Жуковского была сделана А. Д. Галаховым, в 1852—1853 гг. опубликовавшим в «Отечественных записках» «Материалы для определения литера-

⁵ Сомов О. О романтической поэзии. СПб., 1823. С. 97.

⁶ Кюхельбекер В. К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // Мнемозина. 1824. Ч. 2. С. 40.

⁷ См. об этом: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.; Л., 1964.

турной деятельности В. А. Жуковского», в составе которых — списки сочинений и переводов писателя, относящиеся к раннему периоду его творчества — до 1812 г. (ОЗ. 1852. Т. 85. № 11. Отд. 2; 1853. Т. 88. № 6. Отд. 2; Т. 91. № 12. Отд. 2). В 1853 г. в Московском университете С. Шевырев произнес свою знаменитую речь «О значении Жуковского в русской жизни и в поэзии», где очень точно была поставлена проблема генезиса и национального своеобразия русской словесности, в том числе и прозы, у истоков которой, по словам Шевырева, оказался Н. М. Карамзин и его «ученик», поэт Жуковский, ставший в свою очередь, по выражению критика, «учителем Пушкина»⁸. Кроме того, Шевырев подчеркивал такие принципиальные для изучения прозаического наследия Жуковского идеи, как связь его поэзии и жизни, стержнем которых критик назвал «самовоспитание» писателя.

Конец 1860-х — 1880-е гг. были ознаменованы работой над изданием нескольких собраний сочинений Жуковского и в связи с этим систематизацией его прозаического наследия. В 1864—1870 гг. М. Н. Лонгинов опубликовал «Материалы для полного издания сочинений Жуковского» (РА. 1864. Вып. 5, 6; 1866. № 11—12; 1870. № 3). В 6-м издании сочинений Жуковского (практически копировавшем последнее прижизненное), вышедшем под редакцией К. С. Сербиновича, находим «Хронологический указатель сочинений и переводов в прозе» (С б. Т. 6. С. 807—813). В 7-м издании «Сочинений В. А. Жуковского», вышедшем под редакцией П. А. Ефремова, также содержались «Библиографические примечания» к прозе писателя. На 1880-е гг. приходится и публикация книг К. К. Зейдлица («Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. По неизданным источникам и личным воспоминаниям». Пб., 1883) и П. Загарина («В. А. Жуковский и его произведения». М., 1883), в которых на биографическом материале прослеживается духовное становление Жуковского, формирование его философии жизни и человека, столь многое определявшей в развитии Жуковского-прозаика.

Особым вкладом в исследование творчества Жуковского и его прозы, в частности, стало описание бумаг писателя, поступивших в Императорскую публичную библиотеку, публикация его дневников и писем к А. И. Тургеневу, сделанные И. А. Бычковым в конце 1880-х — начале 1900-х гг. (Бумаги Жуковского; Дневники; ПЖТ), и издание в 1902 г. Полного собрания сочинений Жуковского (в 12 т.) под редакцией А. С. Архангельского. Это было основой научного подхода к творческому наследию первого русского романтика, в том числе и к его прозе.

⁸ Москвитянин. 1853. Кн. 2. № 2. Отд. 1. С. 75—166 (отдельный оттиск вышел в этом же году в Москве).

На необходимость ее серьезного изучения одним из первых указал на рубеже XIX—XX вв. Н. С. Тихонравов, справедливо усматривавший в ней «материал для его (Жуковского. — *И. А.*) характеристики как человека и писателя»⁹. Своего рода откликом на призыв ученого стала статья П. Н. Сакулина, представляющая собой предисловие к изданию прозы Жуковского, вышедшему в Петрограде в 1915 г.¹⁰

Работа В. И. Резанова «Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского» (СПб./Пг., 1906—1916. Вып. 1—2), к сожалению, была только начата. Однако значение ее трудно переоценить. С точки зрения рассматриваемых нами проблем оно заключается прежде всего в систематизации ранних прозаических сочинений Жуковского (1801—1806 гг.), в том числе и неопубликованных. Методологическое значение для нас приобретает стремление исследователя включить прозу Жуковского в общий процесс его творческого развития, в литературный контекст эпохи.

Исследование А. Н. Веселовского «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и “сердечного воображения”» (СПб., 1904) явилось закономерным продолжением и своего рода обобщением всех достижений в жуковсковедении XIX в. Работа, безусловно, не потеряла своего значения и сегодня, на нее опираются ведущие литературоведы XX и XXI вв. Более того, она звучит в настоящее время предельно актуально прежде всего в связи с тем, что А. Н. Веселовский, рассматривавший творчество Жуковского как отражение определенного типа сознания, одним из первых и немногих ученых XIX в. указал на принципиальное значение соотносительности нравственно-философских, эстетических и религиозных исканий писателя, что чрезвычайно важно для уяснения эстетики и поэтики его прозы, особенно 1830—1840-х гг. Вместе с тем, ученый поставил один из сложнейших вопросов творчества Жуковского — о его художественном методе. Как известно, А. Н. Веселовский исходит из утверждения его сентименталистской природы. В XX в. эта проблема встанет особенно остро в отношении ранней прозы Жуковского, а следовательно, генезиса и логики развития отечественной прозы в целом.

Чрезвычайно важное значение для исследования прозы писателя имеют работы представителей так называемой формальной школы литературоведения — Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова, В. М. Жирмунского. Посвященные проблемам теории стиха, интерпретирующие

⁹ Тихонравов Н. С. В. А. Жуковский // Тихонравов Н. С. Сочинения. М., 1889. Т. 3. Ч. 3. С. 386.

¹⁰ Жуковский В. А. Проза. Пг., 1915. С. VII—XLII.

Жуковского как родоначальника одного из двух стилей в русской лирике XIX в. — «напевного, эмоционального», противостоящего «пластическому, вещественно-логическому, понятийному»¹¹, эти исследования впервые ставили такие принципиальные для понимания Жуковского-прозаика вопросы, как стиховое слово и слово прозаическое, функция ритма в стихе и в прозе, взаимодействие поэзии и прозы и др.

Вопрос о художественном методе Жуковского вновь становится актуальным в XX в. благодаря Ц. С. Вольпе, который, рассматривая главным образом поэзию, утвердил важнейшее положение общеметодологического характера о психологизме писателя как выражении его романтизма¹². Оно принципиально для понимания прозы Жуковского, причем как ранней, так и поздней. Не менее принципиальным для нас является подход исследователя к романтизму Жуковского как к общественно-эстетической системе.

Чрезвычайно важна для определения философско-эстетических основ прозы Жуковского, ее места как в его собственном творческом развитии, так и в становлении русской прозы книга Г. А. Гуковского «Пушкин и русские романтики»¹³, которая стала новым этапом в осмыслении творчества писателя. В ней впервые по существу был поставлен вопрос о значении романтизма Жуковского. Г. А. Гуковский, вслед за А. Н. Веселовским, обращается к универсальной проблеме творчества писателя — к его поэтике «невыразимого», которая нашла свое преломление не только в стихах, но и в прозаических произведениях, определяя их «генетическую близость». Через «идею стиля», через наблюдения над природой слова исследователь выходит на проблему субъективности, лиризма, поэтичности и связанного с этим психологизма как органичного свойства художественных произведений Жуковского, важнейшего принципа их построения.

1960—1980-е гг., обозначенные в советском литературоведении предельным интересом к русскому романтизму, дали свои плоды и в изучении творчества Жуковского. В свет вышли монографии М. Я. Бессараб, Р. В. Иезуитовой, И. М. Семенко, а также работы Т. Л. Влащенко, Л. И. Кашкиной, Н. Г. Корниенко, С. А. Матяш. На первом плане в них идеи системности и закономерной эволюции творческого пути Жуковского. Дискуссионными остаются вопросы о художествен-

¹¹ *Жирмунский В. М.* Мелодика стиха (по поводу книги Б. М. Эйхенбаума «Мелодика стиха». Пб., 1922) // *Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 62.

¹² См.: *Вольпе Ц.* Жуковский // *История русской литературы.* М.; Л., 1941. Т. V. С. 355—391.

¹³ *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965.

ном методе писателя и о значении его поздних произведений. Вопрос о сентименталистской эстетике и поэтике прозы Жуковского поднимается в работах И. М. Семенко и Н. В. Фридмана. Его решение приводило к парадоксальному противопоставлению романтической поэзии Жуковского его же сентименталистской прозе. «Проза Жуковского, — пишет И. М. Семенко, — оказывается архаичнее его стихов (...) В прозе Жуковский не стал романтиком» (СС 2. Т. 1. С. 36)¹⁴. Эту точку зрения по существу разделяет Н. В. Фридман, утверждавший, что «прозаические произведения Жуковского (...) выдержаны в духе традиции карамзинских чувствительных повестей (...) Проза Жуковского (...) ни в коей мере не подготовила прозу Пушкина»¹⁵. Эволюция Жуковского-прозаика и его роль в развитии русской прозы первой трети XIX в., как видим, не берутся во внимание, что, безусловно, сужало представление о творчестве Жуковского в целом, о масштабе его вклада в становление отечественной словесности.

В то же время ряд исследователей, признавая безусловность влияния Карамзина и литературных традиций сентиментализма на Жуковского-прозаика, не были склонны понимать его как прямое следование карамзинистам. Новаторство писателя не только в поэзии, но и в прозе отмечают в своих работах Р. В. Иезуитова, Н. Н. Петрунина, В. Ю. Троицкий. Н. Н. Петрунина, например, считает, что такие прозаические сочинения Жуковского, как «Марьяна роща», ряд лирических миниатюр, начало исторической повести «Вадим Новгородский», «Три сестры» и «Три пояса», «осложняют сентиментальную традицию, впитывая опыт преромантической поэзии и утверждая новую модификацию лирической прозы»¹⁶. «Имеется достаточно оснований для пересмотра широко бытующего мнения, что его (Жуковского. — И. А.) роль в развитии русского романтизма исчерпывается областью поэзии. Жуковский в какой-то мере оказался первооткрывателем новых путей и в романтической прозе», — отмечает Р. В. Иезуитова¹⁷. Исследования Н. Н. Петруниной и Р. В. Иезуитовой подчеркивали необходимость рассмотрения прозы Жуковского как органической части его творчества и в связи с этим важность постановки проблемы взаимодействия поэзии и прозы как определяющего фактора эстетики и поэтики художественного наследия писателя.

¹⁴ Точку зрения И. М. Семенко поддерживает и немецкая исследовательница Х. Айхштедт (см.: *Eichstädt*).

¹⁵ Фридман Н. В. Проза Батюшкова. М., 1965. С. 165.

¹⁶ Петрунина Н. Н. Проза 1800—1810-х годов // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980—1984. Т. 2. С. 63.

¹⁷ Иезуитова Р. В. Жуковский: Итоги и проблемы изучения // РЛ. 1983. № 1. С. 20.